

УДК 575+316

Ю.И. Новоженев

Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург

НАЦИОНАЛИЗМ

Содержание

1. Введение.....	78
2. Нация и государство.....	80
3. Примордиализм.....	85
4. Тотем.....	88
5. Тотемизм и экзогамия.....	89
6. Национализм – крайняя форма классовой борьбы.....	93

1. Введение

Просматривая свои записки на Московском конгрессе по логике, методологии и философии науки в 1987 году, я наткнулся на высказывание Валентина Абрамовича Красилова о том, что в биологии нет двух аналогичных событий, поэтому все законы не универсальны и поэтому нет предсказуемости. В физике, напротив, законы универсальны, а сейчас в науке ценится универсальность. Лишь в будущем, когда биология выйдет вперед и будет цениться индивидуальность событий, она будет иметь некую прогностичность. Отсутствие последней в социобиологии – науке, изучающей взаимодействие социальных и биологических закономерностей в настоящей и будущей эволюции, бросается в глаза особенно в настоящее время, когда, с одной стороны, мир подвергается все большему влиянию глобализма с его подрывным воздействием на национальное государство с его валютными и таможенными границами, с монетизацией и монополизацией экономики, с международным разделением труда и, с другой стороны, с той массой убийств и геноцида, что совершаются во имя различных форм национализма, распространившихся по всей планете. «Взрывная живучесть этнического и национального сознания опрокинула все самонадеянные исторические предсказания» (Комарофф, 1994).

Почти все ведущие этнологи, антропологи, политологи и социологи мира обеспокоены той волной национализма, автаркии и автократии, которая захлестывает мир своим разделением его на множество государств с их враждебным трайбализмом, явившимся на смену культурного плюрализма. Нация и государство предстают сегодня перед судом истории и альтернативных вариантов будущего. Идеи международной конференции «Этничность и власть в полиэтничных государствах», проходившей в Москве в 1994 г., отразили состояние дезинтеграции, как стремление каждого народа обрести свою национальную государственность и реализовать право на самоопределение. Радикальные демократы периода перестройки считали, что Советский Союз был последней империей на Земле в конце XX века и, как все империи прошлого, он дол-

жен был распасться по воле исторических законов. Они до сих пор считают, что глобализм – единственная тенденция, которая приведет мир к единству и процветанию. Они даже не могут представить себе, что единообразие – это конец эволюции, ибо без изменчивости нет той движущей силы, которой жива культура и сама природа. Ибо история – это диалектический процесс взаимодействия и борьбы автаркии и интеграции, тот эволюционный механизм, за счет которого живет и эволюционирует человечество (Dobzhansky, 1962; Новоженев, 1998).

Концепция национализма в принципе спорна: нет согласия по поводу того, что это такое, и еще меньше согласия в том, как его оценить, сказал Кисс (1994). Он использовал аналогию Эрнста Хааса с описанием слона слепыми, которые дотрагивались до различных частей его тела и из этого делали свои заключения. Национализм во многих случаях считают идеологией, как организационный принцип в сфере международной политики по определению национальных и государственных границ; как современную форму самосознания, основывающуюся на религии, династическом родстве и иерархическом статусе группы; или как нравственный кодекс или светскую религию, ставящую шовинистическую лояльность собственной нации превыше всех прочих. Даже такой неполный перечень даст наглядное представление о порочно полиморфном характере национализма.

По выражению Эрнста Геллнера, национализм – это не то, чем он представляется, и прежде всего не то, чем он представляется самому себе. Очень образно звучит выражение Луи Шнайдера о том, что национализм столь же искусственен, сколь и Панамский канал (Этничность и власть, 1994).

Для определения национализма, прежде всего, необходимо дать четкое, однозначное, понятие, что такое нация. К сожалению, такого однозначного понятия не могут дать люди, лишенные биологического образования и даже социобиологи однобокого американского направления, отрывающие генетику от культуры и не находящие различия между человеком и животными. Западные герменевтики называют их социалдарвинистами, приклеивая этот штамп по своей безграмотности не только к Дарвину, но и ко всей синтетической теории эволюции.

Польский националист начала XX века Роман Дмовский назвал Польшу «живым социальным организмом». Однако аналогия общества и живого организма умерла вместе с идеей Г. Спенсера и может использоваться лишь как метафора.

С точки зрения Кисса (1994), национализм пропитан ложным убеждением относительно национального самосознания; это особенно справедливо в отношении «органических» и генетических видов национализма. У тех видов национализма, которые считают, что нации представляют собой либо материализованные субъекты, либо группы чистой крови, имеется мало шансов выдержать критику по поводу мистификации, поскольку таких субъектов просто не существует: ни одна из современных наций не является «чистой» в расовом или генетическом отношении.

Послевоенное развитие политической истории радикально трансформировало политику культурного плюрализма. Не менее важная метаморфоза произошла в области концептуализации этого феномена во времена 1950-х годов. С этого момента возникли три новых подхода в теоретических рассуждениях, которые можно обозначить как «инструменталистический», «примордиалистический» и «конструктивистский».

Анализ «инструменталистов» вращался вокруг темы использования этничности в сфере политической и социальной конкуренции. Он сыграл важную роль в постановке вопроса о культурном плюрализме в общественных науках. Примордиалисты считали, что человеческие существа рождаются как несформировавшиеся до конца животные, реализующие себя через создаваемую ими культуру (Geertz, 1973). В своих экстремистских формах «примордиализм» забредает в зоопарк социобиологии, как предполагал Ван де Берге (Van den Berghe, 1978). Ценным достоинством конструктивист-

ского подхода является исходный историзм: при решении проблемы истории этническое исследование направлено на детальное изучение его происхождения и изменения во времени.

2. Нация и государство

Не нация создала государство, а государство породило нацию.

Эрих Хобсбаум (Hobsbaum E. Nations and Nationalism. Cambridge 1990).

Потребность современного государства в интегрированности населения положила начало идеологии национализма, которая в свою очередь создала нацию. На языке Организации Объединенных Наций в философии прав человека адресатом этих прав служит государство.

Органический национализм считает, что мир состоит из естественных наций и всегда был таким. Современные модернисты полагают, что мир не состоит из естественных наций, если его не делает таковым мышление, а нации нельзя сравнивать с развивающимися организмами; напротив, нации и национальность – это логически и исторически случайные явления. До Нового времени нации были почти неизвестны, а у людей было много различных форм принадлежности: религиозные общины, города, империи и королевства, а кругозор большинства людей был исключительно локальным. К тому же не так просто определить характер и установить культурную специфику многих наций в современном мире, где существует множество метафор «пробуждения» населения, которое ни на секунду не задумывалось о том, что оно образует отдельную, определенную нацию (Смит, 2004).

Социобиология утверждает, что этнические группы и нации следует рассматривать как своеобразные расширенные родственные группы. Нации становятся невидны из-за этнических групп, а любые различия между ними сводятся к надстроечной, то есть социополитической или небиологической сфере, делая сомнительными любые попытки дать самостоятельное объяснение возникновению нации и национализма.

Этничность всегда связана с культурными и генетическими границами происхождения популяции, то есть популяция ограничивается правилами и практикой эндогамии и экзогамии в их диалектическом единстве. Это особенно заметно в новых государствах, где современное рациональное государство стремится объединить различные этнические группы на одной территории.

Быть русским значит быть всечеловеком, говорил Федор Михайлович Достоевский. Славянофилы спрашивают, по какой дороге идти Западу, когда дорог у него много и каждая ведет в другую сторону: богословие - в Царствие небесное, философия – к чистому разуму (Гегель), искусство - к бесцельной целесообразности (Кант), государство – к представлению, что государство - это Бог на земле.

В последнее время, вопреки доминирующему в мире глобализму с его нигилистическим отношением к государственным институтам, интегрирующим общество в монолитное единство, вновь возвращается тенденция к национализму, с политипизмом и полиморфизмом. Люди начинают понимать, что отсутствие изменчивости погубит эволюционный процесс, превратит его диалектику в единообразие форм и событий. «Да, люди во всем мире не желают становиться общечеловеками – землянами, предпочитая оставаться англичанами и французами, китайцами и персами, цыганами и евреями и даже – как ни странно, - русскими. Призрак бродит по России, призрак русского национализма» (Сергеев, 2004).

«Катастрофа ликвидации Советского Союза и тот всесторонний кризис, который её сопровождает, породил во всех переживающих это бедствие народах угрозу самому их бытию, а вследствие этого и обострение этнического чувства», - отмечается в крити-

ческой рецензии на книгу В.Д. Соловья «Русская история: новое прочтение» (2005). Рецензия Сергея Георгиевича Кара–Мурзы полна сарказма и юмора, не лишена глубокого смысла, выдает профессиональную эрудицию автора, лишает его оппонента амбициозной напыщенности и социобиологической бессодержательности всех его парадигм. Статья Кара–Мурзы перекликается с его монографией «Демонтаж народа» (2007) и достойна большинства его публицистических книг.

К. Янг писал: «Человеческие существа рождаются как несформировавшиеся до конца животные, реализующие себя через создаваемую ими культуру, которая и начинает играть роль примордиальной “данности” в общественной жизни». Иными словами: «примордиализм забредает в зоопарк социобиологии». Чтобы «архетипы» Юнга не забрели, куда им не положено, писателям типа Соловья необходимо по крайней мере разобраться в том, что такое архетипы, какое отношение имеют они к генетике человека и на чем зиждется «кровеная» парадигма.

С точки зрения грамотных социобиологов и генетиков архетипы Юнга - это одна из выдумок этого психоаналитика, как и его «открытие» о том, что добывание огня – акт мастурбации человека, о чем мы уже не раз писали, излагая его взгляды (Юнг, 1994). Предлагаю читателю самому ознакомиться с «шедевром» этого ученика и последователя Фрейда. Что же касается «архетипов» этого сочинителя, то в них никакой материальной генетической составляющей и не может быть, точно так же, как в языке никакой основы нет, и каждому человеку необходимо его изучать с помощью родителей, предков, общества или товарищей (Синдром Каспара – См. Новоженев, 1997). Не совсем понятно, почему гуманитарии и другие биологически неграмотные люди так упорно цепляются за этот надуманный термин.

Весомый вклад в развитие натуралистических концепций общества внесли английские материалисты XVII-XVIII веков, среди которых выделялся Томас Гоббс (1588-1679). В работе «Левиафан или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского» он изложил оригинальное представление о природе человека и государства. Природа, пишет Гоббс, создала людей имеющих равные качества и равное право на все. Но в этом равенстве заложена опасность раздора, ибо для всех не хватает благ, на которые люди могут претендовать. Это естественное состояние равенства неминуемо приводит к «войне всех против всех». На этой основе Гоббсом разрабатывается целая система естественных законов, предваряющих появление государства. Возникает общественный договор как акт перехода людей из естественного состояния в состояние гражданское. Идеи Гоббса сыграли важную роль в утверждении политической власти буржуазного права и в формировании государства.

Создателем социологии как самостоятельной науки считается Огюст Конт, который написал и опубликовал в 1830-42 годах «Курс позитивной философии» в 6 томах. Наиболее близкой и родственной социологии наукой он считал биологию. Сообщество животных и человеческое общество – это не механический агрегат индивидов, а нечто цельное, обобщенное.

После выхода в свет работ Ч. Дарвина идея эволюционизма прочно утверждается в философии и науке, особенно в социологии. Главная заслуга здесь принадлежит Герберту Спенсеру, написавшему трехтомный труд «Основания социологии» (1876 – 1896). В исследованиях Г. Спенсера живет и достигает дальнейшего развития идея Огюста Конта, что в основе социологии лежат законы биологии, что социология не более как биология сложной индивидуальности, общества, ведущего как надорганизм, органическую жизнь.

«Никакие законы человеческие не могут иметь действительного значения, если они противны законам природы», - утверждал Г. Спенсер (Социальная статистика, С. Петербург, 1906, Издательство В. Врублевского). - Социология возможна уже потому, что общество – часть природы и подчиняется закону естественной причинности. Моя

цель – объяснить генезис явлений, составляющих природу». Этой цели он посвятил свои основные труды: «Основные начала», 1862, «Основания биологии», 1864 – 1867, «Основания психологии», 1870 – 1872.

Концепция нации, предложенная в 1789 г. либеральным аббатом Сийесом, прозвучала как призыв к созданию гражданского общества и была взята на вооружение буржуазной революцией во Франции. Хотя известно, что с конца XII и до середины XVIII века евреи повсеместно были гонимы в Англии, а классики английской литературы Кристофер Марло («Мальтийский еврей»), Шекспир, Альфред Теннисон, Вильям Теккерея, Джон Раскин, Бернард Шоу, Диккенс и другие деятели культуры не только создали образы евреев–злодеев, но и способствовали формированию избранной расовой общности имперской Великобритании.

В своей последней книге «Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности» Самуэль Хантингтон доказывает, что этничность это не раса, а культура, и сохранение англо–протестантской культуры является залогом ее американской национальной идентичности. Идеи американского национализма спасут достояние Америки от испаноязычной и мусульманской иммиграции, не поддающейся ассимиляции.

В 1960-е годы эпоха либерализации Запада, последовавшая за экономической экспансией и ускоренной деколонизацией Азии и Африки, ознаменовалась широким распространением модели и идеала «строительства нации», что послужило классическим выражением того, что было названо модернистской парадигмой национализма (Смит, 2004). Это строительство происходило под давлением нескольких релевантных парадигм. Нации приобрели форму преимущественно территориальных политических образований. Они явились суверенными и юридическими государствами, называемыми унитарными национальными объединениями, поддерживаемыми гражданским обществом с определенными региональными, семейными, классовыми и религиозными связями. В 1985 году в атласах мира значилось 204 государства, из них 159 числились членами ООН.

Характерным примером развития автаркических национальных тенденций может служить Африканский континент. Во времена Ливингстона и Стэнли население его представляло собой отдельные популяции, которые в результате бесконечных войн и конфликтов объединились в племена, царства, империи и другие политические образования, между которыми не было границ в современном их понимании. Еще в 1880 году около 80% территории Африки было занято такими свободными племенами, во главе которых стояли царьки, вожди и иерархи. К 1914 году вся Африка, за исключением Эфиопии и Либерии, была поделена между Британией, Португалией, Испанией, Бельгией, Германией и Италией. Постепенно в колониях стали развиваться новые этнические отношения. В середине XX века Африка стала ареной активной национально–освободительной борьбы. Если в 1950 году были свободными лишь 11,7% территории континента, то к 1985 году в Африке осталось всего 3,6% несамостоятельных территорий. Этому способствует этнографическая структура африканского народонаселения. В Нигерии, например, при численности около 82 млн. человек официально проживает около 200 различных народов, которые говорят на 370 – 513 языках (Новоженков, 2009. С. 103).

В 1905 году Макс Вебер издает свое исследование «Протестантская этика и дух капитализма». Главной причиной образования нации Вебер считал стремление к созданию государства. Хотя в окончательном виде нации – это продукт Нового времени, они имеют вполне реальные корни в средневековье и в более ранние эпохи. Нация – это не синоним этноса, а определенный этап в его развитии.

Из почти 8000 языковых групп, существовавших на планете, лишь небольшая часть (около 200) сумела превратиться в нации, обладающие собственными государствами. Остальные народы живут в симбиозе друг с другом, или стремятся создать соб-

ственные государства, продолжая многовековую борьбу за суверенитет и самоопределение. При этом лишь примерно десятая часть народов не утратила этого стремления, остальных же вполне устраивает симбиоз с соседями, хотя по мере возникновения политических и демографических проблем между ними постоянно возникают конфликты, приводящие к преобразованиям карты мира. Залогом успешного построения нации явилось институциональное строительство социальных функций, ожиданий и ценностей, основанных на создаваемых инфраструктурах социальных коммуникаций транспорта, бюрократии, языка, средств массовой информации, армии, полиции, политических партий и профессиональных движений.

Нация является единственной движущей силой и целью социального и политического развития, единственной гарантией удовлетворения потребностей всех граждан в производстве и распространении ресурсов, единой идеологией, способной мобилизовать массы, обеспечить их преданность, самопожертвование, необходимое для защиты суверенитета и конкуренции в мире соперничающих государств.

Одна из метафизических сущностей национализма заключается в примордиалистической основе этого явления, на которой продолжает существовать эволюция человека. К сожалению, коэволюционная связь находится вдали от общеизвестных направлений модернизма. Обе эти сущности могут быть названы примордиалистскими, одна из них по своему характеру является биологической, а другая культурной. В эволюции человека они существовали параллельно и продолжают взаимно оплодотворять друг друга, так как культура является главной адаптацией человека, без которой было невозможно его появление в сообществе других видов нашей биосферы.

Учеником Дарвина, по мнению М. Ковалевского (1910), был основатель французской социологической школы Эмиль Дюркгейм (1858 - 1917). Основой общественной солидарности он считал разделение труда, а социальные конфликты рассматривал как патологические явления. Причина, по которой разделение труда в более многочисленных обществах развивается быстрее, по мнению Дюркгейма, заключается в том, что борьба за существование там более интенсивна. Преследуя одинаковые цели, люди постоянно вступают в соперничество между собою. Как утверждал Дарвин, «внутривидовая борьба наиболее интенсивна между особями того же вида». Чем ближе сходятся функции людей, чем более между ними общего, тем вероятнее становится столкновение и соперничество, считал Дюркгейм, ссылаясь на Дарвина. При разделении же труда и образовании новых видов производства происходит то же, что и при видообразовании, когда новые виды «изобретают новые «профессии», т.е. находят новые экологические ниши, и конкуренция между ними ослабевает или вообще сходит на нет. Аналогия вполне логична. Так биологи и социологи обмениваются идеями, оплодотворяя друг друга и развивая теорию глобальности эволюции биологической и социальной со времен Мальтуса или еще раньше со времен Платона и Аристотеля.

Не меньшее влияние оказали идеи Ч. Дарвина на основоположников классической социологии, к каковым относились французский социолог Ф.Г. Тард, основатель первой в США кафедры социологии Франклин Гиддингс и первый президент Американской социологической ассоциации Лестер Уорд. Автор теории подражания Тард считал, что всякое живое существо, насколько по своей природе оно является существом общительным, склонно к подражанию. Подражание, как мы сейчас знаем, является одним из способов передачи культуры, как социальной наследственности человека. Закон подражания, согласно его автору, является необходимой адаптацией общественных животных и служит им важным приспособлением в борьбе за существование. Среди форм борьбы за существование Тард признавал войны и конкуренции, но считал, что они сменяются согласием, миром, кооперацией и умственным единением. Тард был одним из первых социологов, пользовавшихся понятием «класс». При этом он

подчеркивал, что главным моментом межклассовых отношений выступает не борьба, а сотрудничество (История социологии, Минск, Высш. шк., 1993).

Подобно Гарду, Гиддингс признает за социологией психологические основы социальной эволюции. Его основная идея выразилась в понятии «себеподобного сознания» или «родового сознания», под которым подразумевалось чувство тождества, испытываемое одними людьми по отношению к другим. Именно «сознание рода» делает возможным осмысление многомерного взаимодействия разумных существ и одновременно сохраняет индивидуальные особенности каждого из них. Основой психического эволюционизма Гиддингс считал социальные силы, в структуру которых он включал влияние группы или общества на индивида. Социальная эволюция представлялась ему в образе психического процесса возникновения в людях сознания единства их породы, результатом чего являлась эволюция разума и общественной морали. Создание единства породы распространяется на племя, а потом и на весь народ. «В наши дни, - пишет М. Ковалевский, - оно стремится к тому, чтобы обнять собою все человечество. Эта последняя точка зрения, очевидно, совпадает с той, которую мне не раз приходилось высказывать при изображении прогресса, как ряда concentрических кругов, выражающих собою все большее и большее расширение человеческой солидарности» (Ковалевский, 1910). Это стремление человечества к интеграции мы считаем вторым началом социобиологии. Первое начало – это автаркия (Новоженков, 1998).

Лестер Уорд, в свою очередь, не отрицал значения борьбы за существование в области общественной жизни. Вместе с тем он выделял среди социальных сил способность предвидения, которая появилась у людей в связи с необходимостью накопления запасов и удовлетворения половых потребностей, потребностей голода, потребности в одежде и жилище. «Объекты желаний стали постепенно умножаться, и к обладанию ими направились человеческие усилия. Под влиянием всего этого явилось мало-помалу представление о собственности. История показывает, что значительная часть человеческой энергии была направлена на ее приобретение, еще задолго до появления письменной записи стремление к собственности стало господствующей страстью» (М.Ковалевский, 1910). Прирожденные интересы человека действуют, как правило, в противоположных направлениях, в силу чего в общественной сфере идет постоянная борьба за существование. В своем учении об «идеальном обществе» - «социократии» он проповедовал научный контроль социальных сил «посредством коллективного разума общества», сформированного путем всеобщего обязательного образования. Это – своего рода утопический прообраз управляемой эволюции культуры и трансформации капитализма в социально справедливое и благоденствующее общество (Современная западная социология, М.: Изд. Политич. литер., 1990). «Приведенного достаточно, чтобы показать тесную зависимость, в какой психологический метод Лестера Уорда состоит с основными биологическими предпосылками, целиком заимствованными им у Дарвина», - заключает свой анализ М. Ковалевский (1910).

Если для Запада характерна траектория «от государства к нации», то Восточную Европу и Азию более убедительно можно интерпретировать с позиции модели «от нации к государству». Эта межгосударственная система возникла в Европе, постоянно находившейся в состоянии войны. Война явилась двигателем прогресса создания государства, но одновременно также и процесса формирования наций.

Послевоенные государства Азии и Африки образовались на колониальной территории и политической основе, но их население связывали между собой не столько гражданские связи рационального общества, сколько примордиальные узы, которые опираются на язык, традиции, расу, религии и культурные ценности. Последние формировались длительное время на основе экологических условий и биогенетических связей населения, состоящего из племен и возглавляющих их вождей.

Национальные узлы «прокладывали себе путь через борьбу за существование, которая была столь же естественна, как сама эволюция или гравитация» - считал У. Самнер – американский социолог (1840 – 1910), создавший концепцию «мы – группа» и «они – группа» весьма популярную среди этноцентристов. «Две могучие силы сформировали современный мир. Две силы, выросшие бок о бок, распространившиеся по земному шару и проникшие в каждый аспект современной жизни. Силы эти – капитализм и национализм», - считает Энтони Смит (2004). Для Маркса и Энгельса национальное государство было необходимой основой для создания буржуазией рыночного капитализма. Только единое в национальном отношении территориальное государство могло обеспечить свободное и мирное движение капитала, товаров и рабочей силы, необходимое для крупномасштабного производства, рыночного обмена и распределения товаров массового потребления. Только в высоко развитых государствах с развитой национальной буржуазией и пролетариатом, который был подлинным олицетворением нации и ее культуры, возможно было осуществление социалистической революции, которая привела бы к ниспровержению капиталистической формации с ее эксплуатацией и классовой борьбой. В Западной Европе нация возникла одновременно с бюрократическим государством, пройдя его суровую школу, сопровождаемую идеологическими движениями за консолидацию.

3. Примордиализм

Я утверждаю, что этноцентризм развивался на протяжении миллионов или, по крайней мере, сотен тысяч лет как продолжение родственного отбора.

Пьер Ван ден Берге (1978).

Согласно Ван ден Берге, этнические чувства следует понимать как расширенную и утонченную форму родственного отбора. Именно поэтому этноцентризм является нормой, и поэтому те общества, которые институционализировали нормы семейственности и этноцентризма, имели серьезное селективное преимущество перед теми, которые этого не сделали..., потому что родственный отбор был основным планом животной социальности (Смит Энтони, 2004).

Вся современная теория социобиологии основана на идее альтруизма, о котором писал еще Ч. Дарвин (Новоженков, 2009). Уже в XX веке многие ученые, внесшие большой вклад в создание синтетической теории, Дж. Б. С. Холдейн, Р. Фишер, С. Райт и другие указывали, что возникновение альтруизма нельзя объяснить без представлений о групповом отборе. В 1962 г. американский ученый В. Винн-Эдвардс (Wynne-Edwards, 1962) выпустил капитальный труд, в котором доказывал, что альтруистические особенности поведения возникают в результате действия отбора между популяциями животных. Групповой отбор действует так, что популяции альтруистов вытесняют более эгоистические популяции, что приводит к повсеместному распространению альтруизма. К сожалению, книга Винн-Эдвардса навлекла на него огонь критиков самых разных специальностей, которые считали, что альтруисты не могут оставлять много потомства и закрепиться в популяции благодаря отрицательному отбору.

Большинство биологов до сих пор отрицают идею группового отбора или межпопуляционного отбора, выдвинутую нами в 1976 г. (Ю. Новоженков. Отбор на популяционном уровне // Журн. общ. биол. 1976. Т. 37. № 6). Дело в том, что они не признают в качестве популяции интегрированную и коадаптированную эволюционную единицу, имеющую свои специфические признаки, не работающие на уровне особи. К ним мы относим полиморфизм или генетическую структуру популяции, соотношение полов, социальную структуру популяции, ее возрастную структуру, эпигамную структуру, информационную (свой язык популяции), наконец, ее культуру, что характерно для че-

ловека (Новоженов, 2009), и ряд других популяционных параметров. Например, особь может быть либо самцом, либо самкой, и не может иметь половой структуры, как и всех остальных, отбор по которым совершается лишь на уровне популяции.

Отрицая роль группового отбора, социобиологи единодушно признают лишь родственный отбор, который, по их мнению, призван сравнить не индивидов, а семьи, которые по существу представляют собой группировки особей. По этому вопросу накопилась огромная социобиологическая литература, которую с успехом может заменить одна монография на русском языке (Панов, 1983). Однако не будем заикливаться на этом вопросе, тем более что некоторые западные социобиологи не видят принципиальных различий между родственным и групповым отбором, например, авторитетнейший из них, Д. Уилсон (Wilson, 1975), впрочем, как и создатель социобиологии Е. Уилсон (Wilson, 1975).

Видимо, истинная единица отбора не всегда очевидна, считает С. Веренкамп (Verencamp, 1979) и предлагает различать индивидуальный, родственный и групповой отбор на основе различного их влияния на индивидуальную приспособленность. Предоставим право разобраться с этим вопросом социобиологам, хотя мои студенты уже давно не путают эти типы отбора по их конечным результатам. Индивидуальный отбор ведет к формированию индивидуальных адаптаций, а межгрупповой отбор приводит к выработке популяционных различий, например, способам соперничества самцов за самок, типам ухаживания за потомством, строительству гнезд и других убежищ, типам семейных отношений и другой эпигамной структуры популяции, как мы ее называем (Новоженов, 2009).

Еще в 1985 году наш энтомолог, сотрудник кафедры энтомологии Ленинградского госуниверситета подверг резкой критике представления американских социобиологов о происхождении общественных насекомых. Объединив вместе в одной теории концепцию мутуализма, отбора родичей и родительского влияния, он последовательно и непротиворечиво объяснил все этапы социального поведения от продвинутых форм субсоциальности до эусоциальности, возникновения каст и более сложного полиморфизма у общественных насекомых (Кипятков, 1985).

Как мы уже отмечали, концепция группового отбора возникла у Ч. Дарвина на основе анализа проблемы возникновения рабочих особей у общественных насекомых. Он предположил, что отбор может быть применим и к семейству так же, как и к отдельной особи. Позднее Дарвин привлек идею группового отбора для объяснения возникновения взаимопомощи и альтруизма у предков человека.

Попытки найти в групповом отборе источник альтруизма продолжались и позднее на основе «внутридемового отбора» (Wade, 1978). Анализ моделей внутридемового отбора показал, что альтруизм может возникать только в том случае, если особи внутри группы более родственны друг другу, чем в популяции (D.S. Wilson, 1975). Однако особи должны обладать какими-то качествами, способными чувствовать родство друг с другом. У ряда видов млекопитающих строение органов обоняния позволяет им не только опознавать степень их генетического родства, но и выбирать партнеров со специфическими свойствами иммунной системы, отличной от их собственной, что способствует противостоянию многим инфекциям, особенно в периоды их малой численности после зимних катастроф с летальным исходом.

Лауреаты нобелевских премий за 2004 г. выявили 6 млн. клеток обонятельной системы у человека, подверженных действию 1000 генов, что составляет примерно 3% всего человеческого генома. Хотя по сравнению с млекопитающими это ничтожно мало, но вполне способствует подавлению у мужчин сексуальной активности, препятствующей кровосмешению. Особенно чувствительная реакция на запах у сексуальных женщин. Наиболее чувствительные к феромонам женщины могут через 15 секунд понять, интересен ей мужчина как сексуальный партнер или нет. К сожалению, у челове-

ка вомероназальный орган подвержен действию культуры. Вся парфюмерная промышленность препятствует влиянию его обонятельной системы на выбор партнера с подходящей иммунной системой. Кроме того, мода на хирургическую красоту не оставляет в покое обоняние, зато препятствует количеству разводов и сохраняет стимул для воспроизводства и сохранения вида. В молодые годы, когда доминирует половой инстинкт, люди не обращают внимания не только на запахи, но даже на национальность или на конфессиональность молодого супруга. Все это приходит позднее, когда уже создана семья и даже появились дети.

«Долгое время эволюцию сложного общественного поведения объясняли теорией совокупной приспособленности, которая вылилась в теорию родственного отбора. Согласно этой теории, центральное место в происхождении общественного поведения занимает родство. По сути, она утверждает, что чем теснее родственные связи в группе, тем больше альтруизма и сотрудничества можно ожидать от ее членов и, следовательно, тем больше шансов, что группа перейдет к общественному образу жизни». Эти слова принадлежат главному создателю новой науки – социобиологии Эдварду Уилсону, который в 1975 году написал книгу «Социобиология: новый синтез» и в 1978 году перенес свое учение на человека (Wilson E.O. On Human nature. Boston: Harvard Univ. Press. 1978). С тех пор в Западном обществе начался целый бум исследований, которые вылились в огромное количество статей, монографий и специальных журналов по социобиологии. В качестве примера можно сослаться на монографию «Триумф социобиологии», в которой приводится 357 источников литературы (Alcock, 2001) и которая лежит у меня на столе. Однако самое печальное во всей этой истории то, что сам Эдвард Уилсон в своей последней книге отказался от правильности этой теории (Уилсон, 2014). Транслитерация фамилии (Вильсон-Уильсон) меняется в зависимости от переводчиков текста.

Идею родственного отбора впервые высказал известный шотландский биолог, один из последних энциклопедистов, создатель синтетической теории эволюции Дж. Б.С. Холдейн в 1955 году. Однако сама теория была разработана несколько позже, в 1964 году британским молодым исследователем, которому было всего 28 лет, Уильямом Гамильтоном и активно подхвачена американским основоположником социобиологии Уилсоном, упомянутым выше. Суть ее основывалась на известном для перепончатокрылых насекомых гаплодиплоидном определении пола, когда оплодотворенные яйца становятся самками, а неоплодотворенные – самцами. В результате сестры более тесно связаны друг с другом, так как три четверти генов у них идентичны по происхождению, тогда как дочери по отношению к матери имеют только половину идентичных генов. В итоге сестрам выгодно создавать объединения альтруистических сестер, которые ведут к глобальной эволюционной закономерности – распределению эусоциальности в животном мире. Так возникшая социобиологическая теория, основанная на главенствующей роли родства, завоевала доверие во всем западном мире. Однако перейдем от типов отбора к типам национализма.

В 1944 году Ганс Кон проводит важное различие между «волюнтаристским типом национализма, который считает нацию свободным объединением разумных людей, состоящим из входящих в него по своей воле индивидов, и «органическим типом», рассматривающим нацию как организм, обладающий неизменным и неизгладимым характером, которым его члены наделяются при рождении и от которого они никогда не смогут избавиться. Последняя парадигма наций и национализма является естественной, и природу ее можно при желании проследить на первобытных народах, изучая их примордиализм. Волюнтаризм – более современная парадигма, получившая название модернистской. Она характерна для наций, утративших свои природные корни, и более связана с нашествиями, переселениями народов и всем современным нарративом последствий.

Примордий (лат.) – зачаточный орган растения. Примордиальный – изначально, исходный, первобытный характер популяции или народа.

Одним из источников, позволяющих составить представление о минимальном, максимальном и оптимальном размере первобытного стада, являются данные антропологии и этнографии. Население пещеры Киик–Кобе насчитывало в своем составе 30-50 человек, что было определено по площади, занятой культурными остатками. Такая же площадь (от 25 до 100 м²) и в пещерах Крыма. У тасманийцев, которые вымерли на Земле еще во времена Ч. Дарвина, отмечено существование групп в 10, 20, 30, 48 человек. Средний размер хозяйственных коллективов австралийцев составлял 15-20 человек. Ранние экспедиции встречали более значительные группы, не более 54 человек, концентрирующихся около водоемов и источников.

Бушмены передвигаются небольшими группами, так называемыми связками, насчитывающими в среднем по 25 человек, которые большей частью состоят в родстве между собой. Известны случаи, когда бушмены передвигаются поодиночке, а бывает, что свыше сотни бушменов объединяются около понравившейся им скважины (Лундберг, 1987). Джордж Сильбербауэр (1979) наблюдал, как специфическая форма демократии бушменов начинает трещать по швам, когда группа становится слишком большой. По его мнению, группа, насчитывающая свыше 90 человек, не может существовать в согласии с традициями (там же).

У эвенков и других народов севера Сибири численность групп составляет 35-40 человек, максимум 90-100, оптимально 60-75 человек. Охотники составляют, как правило $\frac{1}{4}$ - $\frac{1}{3}$ их численности.

4. Тотем

По свидетельству Льюиса Генри Моргана, основательно изучавшего быт североамериканских индейцев, ирокезы жили объединением из шести племен, разделявшихся в свою очередь на роды (от 3 до 12 родов в каждом племени). Племя сенека численностью в 3 тысячи человек состояло из восьми родов, обозначавшихся именами тотемных животных: медведь, волк, бобр, черепаха, ястреб, цапля, бекас и т.д. Никто из членов племени не имел права вступать в брак с членом своего рода, которых можно было определить по тотему. Мужья и жены принадлежали к разным родам и к разным материнским тотемам. Жили чаще всего тоже отдельно, так как основное время мужчины проводили на родовых стоянках своих матерей, занимаясь охотой, ремеслами и другими хозяйственными делами. Лишь небольшая часть охотничьей и другой добычи передавалась женщине, с которой мужчина имел общих детей, большая часть оставалась в материнском роду (Морган, 1983).

Детей своих братьев ирокезы–мужчины называли своими детьми, а детей сестёр – племянниками и племянницами, что указывало на имевшиеся когда-то у племени традиции группового брака. При таком браке братья имели общих жен, из числа которых исключались их сестры, а сестры, соответственно, имели общих мужей, из числа которых исключались их братья (Фатыхов, 2000. С. 30).

Известный американский исследователь популяционной структуры австралийских аборигенов Джозеф Бердселл в 1957 году выступил с докладом на знаменитом и престижном Колд Спринг Харбор симпозиуме по количественной биологии. В докладе было показано, что за 32 тысячи лет произошло три волны заселения и смены населения аборигенов австралийского континента. В итоге установилась современная конфигурация коренного населения Австралии, в котором 10% составляет генетическая масса первопоселенцев Negritos, 40% - Carpentarians – аборигенов северной и центральной Австралии и 50% - Murrayian – аборигенов юго-восточной части страны (Birdsell, 1957). Ко времени колонизации Австралии европейцами ее коренное население состоя-

ло из 574 племен численностью от 100 до 1500 в каждом и общей численностью порядка 300 тысяч человек (Birdsell, 1958).

По данным А. Радклифф–Брауна – первого профессора социальной антропологии Сиднейского университета, относящимся к 1911 году, коренное население австралийского континента насчитывало 300 тысяч аборигенов, входящих в 600 «лингвистических племен», каждое из которых в среднем состояло из 500 человек. Эти данные получили общее признание.

Зато много споров вызвала концепция Радклифф–Брауна о социальной структуре австралийцев. Суть ее состояла в следующем: мужская половина одного рода, а также жены, пришедшие из других родов, и их незамужние дочери используют в качестве «орды» землю, принадлежащую роду мужчин из этой «орды». Другими словами, род был патрилинейным и экзогамным, а «орда» - патрилокальной. Вследствие этого только мужчины, принадлежащие к определенному роду, обычно живут и охотятся на земле этого рода (Роуз, 1989).

Чтобы разобраться в этом вопросе, необходимо вспомнить, в каких условиях живут коренные популяции. Австралия - самый засушливый континент на Земле. Плотность популяции обычно напрямую связана с условиями среды. Согласно Бердселлу (Birdsell, 1953), в Австралии главной причиной таких условий служит среднегодовое количество осадков, которое коррелирует с плотностью населения (коэффициент корреляции равен +0,8). В этих условиях на одного человека там приходится 25 кв. миль. Экологическая база существования простых сообществ – собирателей и охотников – очень бедна. От нее зависит материальная культура и социальная структура их популяции. Отсюда же крайний консерватизм их духовной культуры и строгое соблюдение принятых норм и традиций.

5. Тотемизм и экзогамия

Коренное население древней Иудеи было настолько невелико, что почти каждый иудей был в каком-то родстве с Иисусом, так что их потомки евреи, почти все так или иначе несут его кровь и гены.

Эрик Берн «Секс в человеческой любви». М., 1990.

Для обуздания зоологического индивидуализма и превращения первобытного человеческого стада в социальный континуум необходимо было создание двух первых элементов культуры. Промискуитет или эндогамия, которая вела к близкородственному скрещиванию и вырождению людей, должна была превратиться в экзогамию, или обусловленную культурой систему родства. И второе культурное приобретение – возникновение тотемизма – человеческого коллектива.

Зигмунд Фрейд обессмертил свое имя, провозгласив Эдипов комплекс предшественником культуры. Царь Эдип нарушил эти два запрета – убил своего отца Лая и женился на своей матери Иокасте, от которой имел четырех детей. Отсюда пошли все человеческие психозы и появилась как «посмертная маска» - культура, рожденная семьей и обществом, подавляющими, репрессирующими сексуальность человека.

Из сюжета трагедии Софокла «Эдип – царь» Фрейд создает своеобразную антропологию и формирует гипотезы о происхождении человеческой культуры. Согласно Фрейду, воспоминание о преступлении Эдипа вынуждает кровнородственное стадо изобрести табу на тотемное животное, олицетворяющее отца, почитать его и никогда не убивать. Второе табу, совпадающее с преступлением, заключается в запрете брать в

жены женщину, принадлежащую к своему тотемному клану. Эти два табу способствовали становлению человека, а в дальнейшем от них происходят все неврозы человечества.

Либи́до у Фрейда это – улыбка Чеширского кота. Оно напоминает пресловутые «архетипы» его продолжателя и последователя Карла Юнга, который глубокомысленно додумался до того, что добывание человеком огня есть акт сверления, притом кровосмесительного, но десексуализированного. Потеряв свою непосредственную половую ценность, добывание огня обязано стремлению поставить на место полового акта символ. «Благодаря онанию имеют в руках вожденное средство: стоит только отдаться воображению и при этом онанировать, как получишь в свое обладание все плотские утехи и при этом не имеешь надобности суровым трудом и тяжелой борьбой с действительностью отвоевывать себе «мир своих желаний». Читатель может воочию убедиться в тех аргументах, которые приводит Юнг в своей книге «Либи́до, его метаморфозы и символы», чтобы доказать, что добывание огня – всего лишь акт мастурбации (Юнг, 1994).

На самом деле эндогамию и экзогамию придумал не человек, а создала сама природа. Человек только «подсмотрел» ее у животных и понял ее эволюционный адаптивный смысл. Экзогамия и эндогамия являются взаимодополняющими аспектами одного и того же социального феномена; «они – подобны половинам магнита – противоположны, но неразделимы», - как сказал Лесли Уайт (2004).

Экзогамия и эндогамия неразделимы, они не являются взаимоисключающими и дополняют друг друга. Стартовой точкой этого процесса социального развития была семья. Родственники по крови и по браку были объединены в кооперативную эпигамную группу как общество взаимопомощи, с целью сделать жизнь ее членов более безопасной. Поиск сексуального партнера внутри и вне своей группы можно наблюдать уже в социальной жизни антропоидных предков человека и других животных.

Эффективность эпигамной группы основывается на двух показателях, или факторах: размеры группы и ее солидарности. Лесли Уайт выражал эту зависимость простой формулой $\mathcal{E} = P \times C$, где \mathcal{E} – эффективность кооперативной группы, P - ее размер, а C – солидарность. Желанной целью социальной эволюции, если иметь в виду успех в конкурентной борьбе за существование, является увеличение размера группы без ущерба для ее солидарности (Уайт, 2004).

Как было показано в предыдущем разделе (примордиализм) первобытное человеческое стадо может рассматриваться как очень небольшая популяция или семейная группа. Длительное близкородственное скрещивание в такой небольшой макропопуляции ведет к инбридингу. Генетически инбридинг заключается в накоплении в популяции гомозигот. Идет так называемый процесс гомозиготизации или обеднения наследственной основы группы. Особенно опасно накопление в популяции гомозиготных дефективных рецессивов. Высокая частота их приводит к вероятности большей встречи таких особей, как это наблюдается в изолятах.

Обследование одной южномерилендской популяции в США, имеющей смешанное расовое происхождение и на протяжении более 200 лет обреченной на брачную изоляцию и стратификацию, показало, что в этом изоляте численностью около 5000 человек имеется 49 альбиносов, тогда как обычно альбиносы встречаются по одному на 10-100 тыс. человек. В небольшой деревне в Верхней Савойе на юго-востоке Франции с населением около 290 человек были обнаружены алькаптонурия, фенилкетонурия, врожденная катаракта, идеопатическая тетания, атаксия, глухота и другие наследственные дефекты. Всем известен случай появления наследственных патологий среди царских семейств, например гемофилии у мужчин – сыновей, внуков и правнуков королевы Англии Виктории, в том числе ее правнука русского царевича Алексея, сына импе-

ратора Николая П. Множество примеров наследственного полиморфизма представлено в монографии моего учителя В.П. Эфроимсона – известного генетика человека.

Биохимический и физиологический инбридинг выражается в снижении метаболизма, степени жизнеспособности и приспособительной пластичности. Он способствует понижению плодовитости, наступлению бесплодия, усилению болезненных явлений, проявлению уродств, вырождению, накоплению аномалий. Как выяснилось, он снижает иммунную защиту организма и популяции, нарушает ее генетическую, возрастную, социальную, эпигамную, психическую и другие структуры.

Наконец, биологически инбридинг вреден, так как ведет к понижению размаха изменчивости, сужению приспособительных возможностей организма, потере им эволюционной пластичности, жизнеспособности и потере адаптивности популяций. Неслучайно у тасманийцев, австралийцев, веддов, бушменов и других племен, ведущих охотничье–собираТЕЛЬСКИЙ образ жизни, была отмечена высокая детская смертность. От общего количества детей в первый год жизни у них погибало 45-50%. Вполне очевидно, в первобытном стаде воспроизводство также было близко к простому – сохранению численности популяции.

Почему экзогамия была так широко распространена, задался вопросом Мак Леннан – один из основоположников изучения эпигамного поведения первобытных людей («Первобытный брак», 1865). Причина ее в тяжелых условиях существования «дикарей». Даже у современных первобытных народов (яномама в Бразилии, аборигенов Новой Зеландии и др.) считается, что женщину дешевле украсть у соседей, нежели вырастить самим. Отсюда широкое распространение женского инфантицида для регуляции численности популяции и сохранения пищевых ресурсов. Вследствие инфантицида возник обычай умыкания женщин извне, а также обычай полиандрии (многомужества) внутри племени. Логически также следует, что родство прослеживается только через женщин, поэтому идея экзогамии не может быть отделена от идеи родства. А человек всегда в первую очередь замечает, что он одной крови со своей матерью. Когда общества начинают развиваться от стадии промискуитета, существование которого во времена Мак Леннана было общепринятым, то они вступают на стадию родства через женщин и только женщин. Отсюда экзогамии должна предшествовать матрилинейность. Благодаря совместному воздействию на системы брака умыканием, экзогамией и родством через женщин была разрушена первоначальная гомогенность групп, которые, утратив свои характерные черты, превратились в отдельные племена, каждое из которых содержало в себе ряд родов, оставшихся от разных групп.

Мак Леннан считал институт экзогамии универсальным для австралийских аборигенов, индейцев Америки, островитян Южных морей и других народов. Однако Г. Морган считал, что племенной экзогамии не существует, и в типичной локальной общине даже у самых примитивных народов всегда есть женщины, которым разрешено выходить замуж внутри своей группы.

Оригинальный взгляд на экзогамию имеет Л.Н. Гумилёв (Этногенез и биосфера Земли, 1978-79). Экзогамные ограничения поддерживают этническую структуру региона и ведут к устойчивости системы человек – природа. Природу и культуру губят свободное скрещивание и свободная любовь. Появление в системе новых этнических групп, не связанных с ландшафтами региона и свободных от ограничений экзогамных браков, ведёт к сохранению ландшафтов, вмещающих мелкие этнические группы.

Как считает Уайт (2004), существует две тенденции: одна стремится расширить группу взаимопомощи, другая – укрепить ее солидарность. Правила эндогамии гласят: не вступай в брак слишком далеко, так как тогда эффективность твоего союза пострадает из-за ослабления солидарности. Короче говоря: вступай в брак на стороне, но не слишком далеко, вступай в брак с близкими, но не слишком.

Еще один общий вывод: эндогамия редка среди первобытных народов, экзогамия повсеместна. Всякое правило вступления в брак предписывает экзогамию, что не позволяет группе самоизолироваться и узаконивает обмен между социальными группами. При дарении соседним племенам женщин своего племени, помимо генетического последствия, этот обычай имеет большое социальное значение, способствующее общению и обогащению культур. С другой стороны, матримониальные правила не позволяют группе бесконечно делиться, превращаясь в мозаику семей, отягощенных большим генетическим грузом.

Таким образом, культура экзогамии создает оптимальную генетическую и социальную структуру популяции, в формировании которой принимает участие как естественный отбор, так и культурно-исторические факторы. «Инцест был ударом, наносимым в самую основу социального порядка. Вот почему он карался так свирепо. Важно отметить также, что в дописьменном обществе инцест считался одним из нескольких преступлений против богов, тогда как убийство, ложь, воровство и т.п. редко воспринимаются в связи со сверхъестественным началом. Большинство этических норм и их нарушения первобытные народы считали чисто человеческим и нерелигиозным делом, с которым они могли справиться без помощи богов. Но предотвращение инцеста, чтобы усилить кооперацию и солидарность, было столь насущной задачей, что это преступление каралось не только людьми, но и богами» (Уайт, 2004).

«Слово “инцест” означает сексуальные отклонения, которые по-своему проявляются в разных культурах. Но стоит его произнести, как оно вызывает настоящий ужас, словно кто-то сообща постарался придать ему отталкивающий и устрашающий смысл» (Эритель, Цирюльник, Наури, Ксантику, Вриньо, 2000).

Возникновение тотемизма – первой формы единства человеческого коллектива – было крупнейшим сдвигом в процессе формирования общественного сознания первобытных людей. Под этим термином принято разуметь деление племени на группы, связанные родством по женской или мужской линии. При этом каждая из таких групп верит в свое таинственное родство с тем или иным классом материальных объектов, чаще всего видом животных или растений, которые божественно или мифически связаны с происхождением племени и воздействием на него.

Слово тотем впервые попало в европейскую научную литературу с конца XVIII в. и закрепилось там благодаря работам Мак Леннана «О почитании животных и растений» (1869-70), статьям Джеймса Фрезера «Тотемизм» (1987) и книгам «Тотемизм и экзогамия» (1910) и др. В тотемизме имеются две главные сущности, связывающие человека с окружающей средой природно-экологической и духовно-религиозной. Формирующееся сообщество людей поделило окружающий их мир на ресурсы, снабжающие их пищей, кровом, и пространством, кормящим ландшафтом и мифически – на религиозные предрассудки, обеспечивающие их духовное единство и благополучие соединения с природой этого мира.

У ряда животных существование изолированных групп тесно связано с обеспеченностью их природными ресурсами, например, у сурикат в пустыне Калахари, добывающих корм из почвы. В случае, если самка забеременеет от пришлого самца, она изгоняется из родного стада, и тогда ее потомство гибнет, так как доминантная самка не сможет выкормить свое потомство без помощи членов своего сообщества, которые совместно охраняют детенышей, снабжают их кормом и обучают борьбе с конкурентами и хищниками. Лишь после гибели ее бастардов она имеет право с разрешения доминанта вернуться в группу, сражающуюся за существование. Точно так же и люди вырабатывали свою культуру совместного обитания и борьбы за существование с помощью тотема и экзогамии.

Тотемические воззрения стали своеобразным центром, вокруг которого группировались все существующие и возникающие в первобытном стаде моральные нормы:

совместная охота на животных, сбор известных растений, ограничение промискуитета, переходящее в экзогамию, взаимоотношения с соседями, экологические правила общности – утилизация всех отходов жизнедеятельности, религиозный пароксизм обрядов и танцев, структура родства, статус-секс и т.д.

Еще Л. Фробениус (1873-1923) разработал концепцию морфологии культуры, исходя из адаптивных принципов и географии ее происхождения. Применяв метод картографирования культурного пространства, он отобразил всю мозаику африканских культур, собрав богатейший материал в период своих экспедиций по Африке. Культура, считал он, это «подкорректированная» человеком «фотография» природно-климатических условий данной местности». Хозяествуя на земле, человек всего лишь приспособляется к природно-географическим условиям, создавая для себя комфортную среду обитания с помощью той или иной культуры. Исследуя культурную поверхность земного шара, Фробениус обнаружил, что сходные культуры скапливаются в однородные зоны, которые он назвал «культурными кругами». Сравните с “Rassenkreis” – термином, введенным Реншем (1929) для политипических видов животных. В качестве примера Фробениус рассматривает западноафриканский культурный круг, охватывающий бассейн Конго, побережье Нижней и Верхней Гвинеи со сходными культурными чертами у ряда проживающих там племен.

Из русских ученых к правильному пониманию тотемической проблемы приблизился С.П. Толстов (1931), который связывал чувство связи человеческой группы с занимаемой ей территорией, с вегетативным ландшафтом, с видами животных и растений. А в последующих работах (1935) он связал тотемизм с групповым браком и идеологией родового строя в целом. А.М. Золотарев определил тотемизм «как первую форму осознания родства в человеческом коллективе еще на почве примитивного охотничье-собирательского хозяйства палеолита». Помимо социальной функции, тотемизм давал и религиозную основу, которая выросла на почве анимализма в условиях охотничьего образа жизни первобытных племен (Fruzer, 1914; Золотарев, 1938; Токарев, 1990).

В настоящей статье мы не имели возможности остановиться на причинах возникновения экзогамии и тотемизма, так как по этому поводу у нас подготовлена книга формирования первых элементов культуры, куда входят рассмотренные выше категории, и лишь отсутствие спонсоров сдерживает ее выход.

6. Национализм – крайняя форма классовой борьбы

Академик Игорь Шафаревич (2004) пишет: «Истинный свой размах социалистическое движение приобрело в Германии. У истоков его находится загадочная фигура Мозеса (или Морица) Гесса. Этот вышедший из ортодоксальной еврейской среды самоучка внешне производит впечатление неудачника: он не только не создал своей группы или партии, но не нашел даже хоть сколько-нибудь значительного числа последователей». Гессу принадлежит мысль, что будущее Европы будет определяться философией Гегеля, революционной идеей социализма Франции, новой политической экономией Англии, - что созвучно «трем источникам марксизма». Именно он открыл М. Бакунину мир этих коммунистических концепций. Маркс пришел к этим взглядам на несколько лет позднее ввиду близкого знакомства с Гессом. Но загадочно в Гессе то, что одновременно он был убежденным сионистом, неутомимым пропагандистом еврейских национальных идей. Он участвовал в работе I Интернационала, выступал за интернациональную солидарность рабочих и классовую борьбу, но считал еврейство двигателем современного западного прогресса, а Россию - его главным врагом. Еврейский народ был изначально призван, чтобы завоевать мир не так, как языческий Рим силой своих мышц, но через внутреннюю возвышенность своего духа. В своем произведении «Рим и Иерусалим» он утверждал, что прежде всего - расовая борьба, а борьба

классов второстепенна. Всякий, кто отрицает еврейский национализм, не только отступник, изменивший в религиозном смысле, но и предатель своего народа и своей семьи. Расовая борьба превалирует над классовой.

Аналогичные взгляды имели и другие социал–демократы. Например, Лассаль был ярким еврейским националистом. К. Маркс возражал французскому журналисту Дю Каму: «Как, вы хотите, чтобы мы были патриотами, когда со времен Тита у нас нет отечества!» Шафаревич приводит большой список евреев марксистов – основоположников интернационала: Бернштейн, Зингер, Шенбанк, Аронс, Парвус, Р. Люксембург, Каутский, Гаазе, К. Либкнехт, Франк, К. Цеткин, Гифердинг, Леви, Кон и др. (Шафаревич, 2004).

По своему происхождению национализм является политикой, идеологией и социальной практикой буржуазии в национальном вопросе, первоначально он был направлен на консолидацию нации, на победу национальных движений в борьбе с феодализмом. Мощный импульс национализм получил в эпоху крушения колониальных систем и борьбы бывших колоний за равноправие и равенство в мировых политических и экономических отношениях. Отсюда возникла первая точка зрения, трактующая национализм как нечто позитивное, отождествляющее нацию с национальным возрождением, национальной самобытностью и активным участием в развитии национального самосознания и национальной культуры.

Вторая точка зрения базируется на том, что национализм – противоречивое явление, которое имеет как положительные, так и отрицательные характеристики. Так, Н.А. Бердяев делил национализм на агрессивный, разрушительный и на творческий, созидательный, способный вести народы по пути прогрессивных социальных изменений. Аналогичная постановка вопроса была характерна для Ленина, полагавшего, что национализм, пробуждающийся у угнетенных народов имеет «историческое оправдание».

В статье «Социалистическая революция и право наций на самоопределение» В.И. Ленин (1916) писал: «Целью социализма является не только уничтожение раздробленности человечества на мелкие государства и всякой обособленности наций, не только сближение наций, но и слияние их». При этом борец за освобождение угнетенных народов и классов был убежден: «Подобно тому, как человечество может прийти к уничтожению классов лишь через переходный период диктатуры угнетенного класса, подобно этому и к неизбежному слиянию наций человечество может прийти лишь через переходный период полного освобождения всех угнетенных наций, т.е. их свободы отделения». Русские, не требующие свободы отделения Финляндии, Польши и Украины, поступают «как шовинисты, как лакеи, покрывшие себя кровью и грязью империалистических монархий и империалистической буржуазии» (там же).

Замечательный русский социолог Петр Никитич Ткачев писал в «Открытом письме господину Фридриху Энгельсу» (1875), что века господства деспотической власти над народом привили ему «рабские привычки», сформировали такие его качества, как неорганизованность, инертность, забитость и отсталость. Социальная революция в России должна задаться легче, чем в Западной Европе. Отсутствует буржуазия – наиболее враждебный социализму класс. Самодержавие – в внесловная сила, не имеющая социальной базы. Согласно Ткачеву, в русском народе заложен природный инстинкт к социализму. Годы перестройки в Российской Федерации показали, насколько были правы пророчества и интуиция нашего гениального, но забытого социолога. Как известно, Маркс ошибся в оценке избранного народа – выполняющего мессианскую роль спасения человечества от ига классовой борьбы. «Мы знаем теперь, где сконцентрированы враги революции: в России и в славянских областях Австрии; и никакие фразы и указания на неопределенное демократическое будущее этих стран не помешают нам относиться и нашим врагам как к врагам» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. т 6 с. 306). Маркс

с неприязнью относился к взглядам А.И. Герцена о русском социализме, а критику М.А. Бакунина о реакционности славян назвал «ученическим вздором». Определив революцию как исключительное явление классовой борьбы, Маркс ошибался в роли национальных революций, ныне потрясающих стабильность мира. При этом нельзя забывать о том, что в истории человечества классовая борьба появилась с возникновением «культуры созидания», когда родилась собственность на землю и орудия производства, когда человек стал заниматься земледелием и животноводством. Многовековая история человечества продолжалась как минимум 2 млн. лет, когда люди присваивали продукты природы, занимаясь охотой и собирательством и лишь вели межплеменную борьбу за территорию и за женщин. Этот период «первобытного коммунизма», когда существовало только физическое неравенство, но не было еще классового неравенства, закончился всего лишь 8-10 тыс. лет назад.

Классовое неравенство в сочетании с этнократией наглядно проявлялось и в истории России. При захвате и присоединении новых земель российские цари и императоры обычно интегрировали в свои ряды властвующие силы покоренных народов. Типичным примером является мощный слой татарского представительства среди правителей России. После раздела Польши в конце XVIII в. между Россией, Пруссией и Австрией польская знать стала неотъемлемой частью всех слоев и сфер российской власти. После подписания договора между Грузией и Россией в начале XIX в. грузинские князья и дворяне влились и комфортно чувствовали себя в правящем классе России. После присоединения среднеазиатских ханств к России в XIX в. начался процесс национальной консолидации.

Третья точка зрения исходит из убеждения, что сущность и основу национализма составляют идеи национальной исключительности и превосходства, стремление к национальной замкнутости, местничеству, недоверия к другим народам, что перерастает в межнациональную вражду. Данная точка зрения идентифицирует национализм с шовинизмом и расизмом, различия их только по степени своего выражения в политике и идеологии правящих партий и социальной разобщенности владельцев частной собственности и неимущих.

Согласно этому подходу, национализм оперирует национальными символами, лозунгами обще-социального характера, эксплуатируя национальные чувства людей, направленные на отчуждение не богатых и бедных, а власть имущих (олигархов) и иноязычных. Таким образом, подменяются понятия интернационализма трудящейся массы людей и владельцев капитала, накопленного за счет грабежа, эксплуатации и присвоения прибавочной стоимости.

Подобным примером мобилизации ультранационалистических идей далекой древности можно назвать акцию по празднованию в октябре 2001 года 449 годовщины взятия города Казани войсками Ивана Грозного, когда было организовано траурное шествие и молебен на территории Казанского кремля, сжигание изображения Ивана Грозного под лозунгом «Татарское государство было и будет!» Так национализм пытается перевести социальный проект в русло межнационального напряжения.

Знаменательным периодом в этнократической практике стало взаимодействие этнического и национального в 1870-1918 гг. В это время господствовала выдвинутая Маззини идея: каждой нации – государство, совпавшее с периодом объединения Италии. Позднее стали появляться теории, связывающие нацию с генетическим происхождением. Термин «раса» трансформировался на основе эволюционизма и генетики в обоснование расовой теории, которая дополнялась различиями в культуре, религии и языке. Этнический подход соперничал с расовым. В капитальном исследовании И. Хейзинги (1940) показана связь роста национализма, патриотизма и расизма в начале XX в. как прелюдия к мировым войнам. Первая мировая война стала триумфом прин-

ципа национального самоопределения, привела к национал-социализму и сама стала апогеем оголтелого фашизма (Тонценко, 2003).

Йохан Хейзинга (1992) задается вопросом, до какой степени можно считать войну агональной функцией человеческого общества. Засады, нападения, разбойничьи набеги, поголовная бойня как таковые не могут считаться агональными формами борьбы. «С другой стороны, политическая цель войны: завоевание, порабощение, государство над другим народом – также находится за рамками состязания. Агональный момент возникает в ту минуту, когда воюющие стороны начинают рассматривать друг друга в качестве противника, а цель войны как правое дело. И если даже за желанием воевать нет ничего, кроме голода, что случается лишь изнутри, сама война представляется святым долгом, делом чести либо возмездием». Вплоть до новейшего времени международное право считало нормой включение войны в сферу культуры, как утверждает Хейзинга. Истребление врагов есть божья заповедь. «Это стремление к власти оказывается чаще всего полностью подчинено мотивам гордости, славы, престижа, ореолу превосходства или верховенства».

Если рассматривать, как это делает Хейзинга, весь мир как игру или как театр, как это считал Шекспир, а нас как актеров в мире театра, то действительная война как форма игры – это несомненно культура. Однако, как писал Вольтер: «Война превращает в диких зверей людей, рожденных, чтобы жить братьями». Или, как утверждал В. Гюго: «Мир – это добродетель цивилизации, война – ее преступление».

К. Янг (1994) отмечал, что право наций на самоопределение находится в противоречии с правом рабочего класса на укрепление своей власти и поэтому является подчиненным этому последнему. «Бывают случаи, когда право на самоопределение приходит в столкновение с более высоким правом рабочего класса, взявшего бразды правления для укрепления своей власти. В таких случаях – это надо сказать прямо – право на самоопределение не может и не должно служить препятствием для использования рабочим классом своего права на диктатуру (Stalin. Marxism and the National and Colonial Question, 1936). Это явилось эффективным детонатором, приведшим к подрыву империалистических порядков и ставшим характернейшей чертой афро-азиатского национализма».

Когда в 1920-е годы в Италии победил фашизм, то на него была перенесена старинная схема «наибольшего зла», хотя с Италией установились вполне спокойные деловые отношения. Однако к германскому национал-социализму выдвинуты жесткие претензии, стали называть его фашистским и германским, а слова национал-социализм предпочитали избегать. Более того, коминтерновский вождь Георгий Дмитров дал фашизму чеканную формулировку: «Фашизм – это открытая террористическая диктатура наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансовых капиталов. Фашизм – это власть самого финансового капитала. Это организация террористической расправы с рабочим классом и революционной частью крестьянства и интеллигенции. Фашизм во внешней политике – это шовинизм в самой грубейшей форме, культивирующий зоологическую ненависть против других народов».

Сталин, как государственный, понимал коммунизм антимарксистский. Он был свободен от влияния марксистской ортодоксии, хотя и прикрывался идейно выверенной фразеологией, как отмечал Молотов. Он выступал против марксистского положения об отмирании нации при коммунизме. В своей работе «Марксизм и вопросы языкознания» (1950) вождь утверждал, что нация и национальный язык являются элементами высшего значения и не могут быть включены в систему классового анализа, созданную марксизмом. Они стоят над классами и не подчиняются диалектическим изменениям, которые являются следствием борьбы классов. Более того, именно нация сохраняет общество, раздираемое классовой борьбой. Лишь благодаря нации классовые битвы не приводят к распаду общества. Нация и язык связывают в одно целое поколения про-

шлого, настоящего и будущего. Поэтому они переживут классы и благополучно сохранятся в «бесклассовом обществе». Этот вывод составляет основную полемическую мысль Сталина в его обозначенной выше статье, вопреки всем его демократическим критикам, пытавшимся скомпрометировать Сталина как марксиста, в «языке познавшего толк».

Жизнь показала, насколько он был прав. Даже сейчас, когда украинские «горлопаны» пытаются поссорить наши народы путем противопоставления русского языка его диалектам и наречиям. У них ничего не получится, ибо народы знают, что язык – это всего лишь часть культуры, объединяющей всю нашу историю.

В своих трудах и публичных выступлениях Сталин полемизировал с Марксом и Энгельсом. В работе «Экономические проблемы социализма» он признавал возможность построения коммунизма во враждебном капиталистическом окружении в одной, отдельно взятой стране. Особенно критически он относился к Энгельсу, который настойчиво утверждал неизбежность отмирания государства по мере строительства социализма. Выступая с отчетным докладом на XVIII съезде ВКП(б) в 1939 году, лидер партии большевиков открыто объявил, что высказывания Энгельса и Ленина по поводу отмирания государства не имеют ничего общего с теорией и практикой строительства социалистического общества в СССР. «Сохранится ли у нас государство также и в период коммунизма? - задавал Сталин вопрос. – Да, сохранится, если не будет ликвидировано капиталистическое окружение, если не будет уничтожена опасность военных нападений извне...». То есть вождь ориентировал партию на то, что, несмотря на враждебное окружение, государство несомненно сохранится и продолжит свое строительство и свою борьбу. Это утверждение в период сложных международных отношений в мире, раздираемом фашизмом, национал-социализмом и империалистическим окружением, вселяло уверенность в наш народ.

Рецензент статьи: профессор Уральского государственного лесотехнического университета, доктор с.-х. наук В. А. Азарёнок.